

Некрополь Казнаковых в Александро-Невской лавре

В. В. Берсенева

Традиционно все, что связано со смертью и ее атрибутами, применительно к русскому обществу XVIII—начала XX века и, в частности, к городской среде С.-Петербурга, ассоциировалось в первую очередь с кладбищами и церквями. Культурные сооружения, вокруг которых концентрировалась приходская жизнь, являлись религиозными доминантами петербургского социума. Центральное место среди них занимала Александро-Невская лавра – древнейшая городская святыня, в которой покоились мощи небесного покровителя города святого Александра Невского и одновременно была резиденция правящего архиерея. Тут же находилось и древнейшее петербургское Лазаревское кладбище, входившее к архитектурно-административный комплекс лавры. Отгороженная от городской повседневности стенами, лавра являла собой замкнутое сакральное пространство, живущее по своим законам, со своим временем и отношением к жизни и смерти. Как место, оплодотворенное святостью погребенных в невосковой земле праведников, она в то же время была не застывшим в веках памятником

эпохи, а живой, реально функционировавшей религиозной институцией. Присутствие в городской среде светского и сакрального центров власти не было редкостью в России. Уникальным было как раз то положение, искусственно сотворенное волею императора Петра I, при котором локализация правительственных учреждений, крепости, императорского дворца в столице Российской империи не совпадала с местонахождением главной городской святыни и местопребывания духовной власти, как это было в кремлях допетровской Москвы, Ярославля, Рязани, Астрахани и других городов России. Принцип обособления светской власти от власти духовной, курс на секуляризацию государства, проводимый императором, был градостроительно решен в Петербурге путем создания обособленных территорий: Петропавловской крепости и Александро-Невской лавры, каждая из которых размещалась на острове. Однако развитие Петербурга как имперской столицы, центра сосредоточения политической, экономической, военной, культурной элит российского общества накладывало свой отпечаток на общественное бытие города и его институции, в том числе на сакральные территории. Изначально сакральное монастырское место в бюрократическом и формализованном мире вписывалось в структуру и ценности централизованного государства и наделялось отнюдь не духовными, а статусными в мирском понимании атрибутами власти и общественного положения. Лаврские кладбища в XIX веке, не переставая выполнять функцию городских общедоступных кладбищ, все более и более становятся имперскими мемориалами.

Рядом с величественными надгробиями героев XVIII века, покоящихся на Лазаревском кладбище, мы видим захоронения грандиозной плеяды выдающихся политиков, деятелей литературы и искусства.

Николай Геннадьевич Казнаков

И тут же, по соседству с ними лежат мелкие чиновники, умершие в больницах для бедных и похороненные на скудные средства сослуживцев, могилы рядовых купцов и мещан, множество могил ярославских, новгородских, тверских крестьян и их жен, промышленявших в Петербурге отхожими промыслами.

В книге захоронений лавры за 1885 год обнаружилась даже одна крестьянка Новгородской губернии, которая, скончавшись в своей родной деревне, была перевезена родственниками в Петербург для упокоения на одном из лаврских кладбищ. Множество погребенных на кладбищах лавры лиц умирало за пределами Петербурга и даже за границей. Их родственники, получив от МВД открытый лист за подписью губернатора, перевозили мертвые тела для погребения в лавру. Причем подхоранивались тела не только православных, но достаточно часто лиц лютеранского и католического вероисповедания. Для разрешения на их погребение достаточно было свидетельства об отпевании умершего.

Митрополит Антоний

Среди многочисленных захоронений лавры, стертых с лица земли ураганом нигилизма и богоборчества XX века, выделяется скромный по размерам, но в чем-то показательный по трагизму некрополь старинного тверского дворянского рода Казнаковых. Существовавший с XVI века и ведший свое происхождение от крещеных татар, род с середины XIX века достиг своего апогея в лице ряда выдающихся представителей, снискавших славу и почет на стезе военно-административной и культурной деятельности.

Наибольшую известность фамилии принесла неординарная личность генерал-губернатора Сибири и члена Государственного Совета Николая Геннадьевича Казнакова (1823–1885).

Рожденный в семье полковника Геннадия Ивановича Казнакова (1792–1851) в г. Наровчатة Пензенской губернии, где дислоцировался Олонецкий пехотный полк, командиром которого был его отец, Николай Геннадьевич блестяще окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и был выпущен в 1842 году в гвардейский Гродненский гусарский полк. Врожденная тяга к наукам и учению как бесконечному процессу познания себя, общества, государства привела его, кавалерийского офицера, в Николаевскую академию Генерального штаба, как один из немногих тогда в России центров не только военной мысли, но широкого естественно-научного и гуманитарного знания. Поступив в 1845 году в академию, Н. Г. Казнаков под началом таких преподавателей, как М. И. Богданович, Н. В. Медем, А. П. Болотов, Ф. И. Горемыкин, блестяще окончил курс в 1847 году, получив большую серебряную медаль и первое место в списке выпускников, что давало преимущественное право в дальнейшей военной карьере. Заметим, что среди его однокурсников и медалистов были будущие пермский губернатор А. Г. Лашкарев (одноклассник по Николаевскому кавалерийскому училищу), член Военного Совета генерал от инфантерии А. Э. Циммерман и генерал-лейтенант Н. М. Батезатул. Как многообещающий и способный офицер Николай Геннадьевич в 1848 году получил место в Генеральном штабе,

в следующем году был переведен в Гвардейский Генеральный штаб, в составе которого принял участие в Венгерском походе, состоя в должности адъютанта при штабе Гвардейского пехотного корпуса. Глубокие знания и стремление к продолжению военного образования в эпоху заката николаевского царствования привели молодого офицера к решению о возвращении в академию, преподавательский состав которой менялся в связи с наметившейся сменой поколений. Увлечение военной историей и тактикой еще в годы учебы в академии приобрело для Николая Геннадьевича профессиональный интерес. Занимая должность адъютанта-профессора тактики академии в 1850–1853 годах, он как молодой и образованный педагог в 1853 году был рекомендован для обучения тактики сначала великого князя Владимира Александровича, а затем и его брата Александра. Выйдя на орбиту придворной жизни, Н. Г. Казнаков получил звание флигель-адъютанта и вместе с генералом Г. Ф. Гогелем стал офицером-воспитателем детей Александра II. Молодому 29-летнему офицеру не было сложно завоевать авторитет и уважение у венценосных детей, с которыми он провел восемь лет жизни, сопровождавшихся ежегодными официальными и семейными путешествиями по России. Успешной карьере при дворе способствовала и его женитьба в 1853 году на дочери богатого тверского помещика, полковника С. П. Неклюдова и В. И. Нарышкиной Елизавете Сергеевне Неклюдовой. Родственные связи жены как представительницы знатных и разветвленных дворянских родов давали в царствование Николая I заметные преимущества в занятии должностей и получении сословных привилегий. Особенно это относилось к службе при дворе, где семейные связи подчас становились определяющими при назначении на престижные должности. Пожалованный в 1858 году в генерал-майоры свиты и окончив в 1861 году обучение великих князей, Н. Г. Казнаков, как свитский генерал, по поручению Александра II получил непростое задание наблюдать за проведением отмены крепостного права в Калужской губернии. Тамашний губернатор В. А. Арцимович имел устойчивую

репутацию «красного», то есть стоящего на стороне крестьянства, из-за чего Николаю Геннадьевичу пришлось взять на себя ответственность за применение военной силы для водворения порядка среди помещичьих крестьян Тарусского уезда, за что ему была объявлена высочайшая благодарность.

В 1864 году последовало распоряжение, ставшее решающим во всей последующей карьере Н. Г. Казнакова, а именно о назначении его киевским губернатором. Для такого непростого региона, в котором крестьянский, польский и еврейский вопросы требовали очень тонкой политической игры со стороны главы коронной власти, императором был выбран именно Н. Г. Казнаков, ибо только широкообразованный и имеющий незапятнанную репутацию генерал мог разобраться в хитросплетениях отношений местных помещиков, проявляя настойчивость и волю в условиях поднимавшегося самосознания украинской интеллигенции и студенчества. Приобретая управленческий опыт, Николай Геннадьевич в 1866 году взял отпуск, из которого уже не вернулся в Киев, а как генерал-адъютант был оставлен при Генеральном штабе для выполнения разовых высочайших повелений.

Звездный час в его карьере наступил в 1875 году, когда он был назначен генерал-губернатором Западной Сибири и командующим войсками Западно-Сибирского военного округа. Оказавшись правителем огромной территории, Н. Г. Казнаков развернул энергичную созидательную работу по «окультуриванию» Западной Сибири. Главенствующим в его деятельности было комплексное изучение Сибири как единого природно-климатического и народнохозяйственного организма, для чего им был востребован состоявший под подозрением у центральной власти известный сибирский деятель Н. М. Ядринцев. Как генерал-губернатор Николай Геннадьевич лично совершал объезды дальних сибирских губерний для ознакомления с глубинной жизнью Сибири и ревизии губернских присутственных мест.

Открытие им Западно-Сибирского отдела Русского географи-

ческого общества, Семипалатинского статистического комитета, содействие в проведении научных экспедиций М. В. Певцова, И. Я. Словцова, Н. Н. Балкашина и, как вершина его деятельности – учреждение в Томске первого сибирского университета поставили его как реформатора в один ряд с М. М. Сперанским и Н. Н. Муравьевым-Амурским. Сибирское общество в знак благодарности и признания его выдающихся заслуг наградило Н. Г. Казнакова званием почетного гражданина г. Омска.

Напряженная созидательная работа и многочисленные разъезды подорвали здоровье Николая Геннадьевича, и в 1881 году он по прошению был уволен с поста генерал-губернатора и назначен членом Государственного Совета. Последние годы его жизни прошли в борьбе с болезнями, которые все-таки взяли верх. Скончался Николай Геннадьевич 12 февраля 1885 года на своей квартире на 62 году жизни. Отпевание было совершено в церкви Св. Пантелеимона 15 февраля священником Василием Перетерским, после чего тело покойного было погребено на Никольском кладбище Александроневской лавры.

Создание и установка памятника на могиле Н. Г. Казнакова сопровождалась многолетней циничной аферой, которую разыграл вошедший в доверие семьи Казнаковых скульптор А. М. Пугачевский. Устроенная им перед смертью Николая Геннадьевича демонстрация бюста генерал-губернатора помогла ему снискать расположение у Елизаветы Сергеевны, через которую он получил заказ на изготовление временного и постоянного памятников. Сразу же после смерти Н. Г. Казнакова, вдова Е. С. Казнакова 17 февраля купила место для захоронения мужа, после чего его сын, Николай Николаевич, штаб-ротмистр Кавалергардского полка, 25 февраля, 23 апреля и 16 октября 1885 года купил еще шесть мест для погребения членов семьи. Вскоре над могилой Николая Геннадьевича появилась временная разборная деревянная часовня, окрашенная под черный и белый мрамор, внутри которой был размещен алебастровый иконостас с тремя иконами св. Николая, св. Елизаветы и Спасителя. Полу-

чив задаток, А. М. Пугачевский как владелец центральных скульптурных мастерских, расположенных на Бассейной улице, приступил к исполнению заказа. Первоначально предполагалось, что постоянная каменная часовня будет представлять собой надгробную плиту с мраморной часовней и иконостасом. Работы планировалось окончить к 1 июля 1889 года. Однако А. М. Пугачевский потребовал от Казнаковых предоплаты, из-за чего общая смета работ увеличилась до 75 тысяч рублей. Для укрепления своей позиции на переговорах А. М. Пугачевский в июле 1887 года в газете «Всемирная Иллюстрация» поместил рисунок предполагаемого памятника Н. Г. Казнакову с указанием своей стоимости работ. Несогласные с оценкой затрат на сооружение памятника Казнаковы и их доверенный Л. А. Гарязин прибегли к экспертизе сметы расходов для чего был приглашен скульптор Ботто, который провел оценку затрат и представил свою смету, равную 20 тысяч рублей против 62 тысяч рублей Пугачевского. Неподъемная сумма, ложившаяся тяжким бременем на семью Казнаковых, толкала их на самые решительные меры, и они вскоре последовали. Поверенный Казнаковых Л. А. Гарязин обратился к петербургскому градоначальнику П. А. Грессеру, который привлек к расследованию начальника Петербургской сысковой полиции известного следователя И. Д. Путилина, после чего А. М. Пугачевский, испугавшись возможных последствий, пошел на попятную и снизил стоимость с 75 тысяч до 40 тысяч с частичным изменением проекта. В итоге к марту 1892 года стороны договорились о частичном изменении проекта памятника, который должен был представлять собой надгробную плиту, сооруженную из киевского лабрадора. На каменном цоколе водружалась часовня из толстого железа, покрытого слоем латуни, с верхом из оцинкованного железа. Внутри были расположены мраморные иконостас и потолок. Пол часовни сделали железным, с люками для будущих захоронений.

В 1906 году умерла вдова Н. Г. Казнакова, Елизавета Сергеевна. Последние годы жизни она жила на Мойке вместе с сыном, камергером и чиновником МИД,

Сергеем и дочерью, фрейлиной Варварой и состояла членом общества вспомоществования бедным Пантелеимоновского прихода. Вместе с Е. С. Казнаковой в одной могиле похоронена и ее сестра Мария Сергеевна Неклюдова (1826–1893).

Другим замечательным захоронением Казнаковых отмечено Лазаревское кладбище лавры, а именно могилой младшего брата Н. Г. Казнакова Геннадия Геннадьевича (1833–1870). Рожденный в родовом имении Казнаково Старицкого уезда он, как и брат, окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, из которой в 1851 году был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1854–1855 годы он участвовал в Крымской войне, а в 1860 году пожалован во флигель-адъютанты свиты его императорского величества. С началом Польской кампании Геннадий Геннадьевич был определен командиром летучего Житомирского отряда. За отличия против мятежников он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Вершиной военной карьеры Г. Г. Казнакова стала должность вице-директора канцелярии военного министерства, которую он возглавил в 1866 году, недолго пробыв до того командиром Ростовского гренадерского полка. Столь быстрому продвижению по служеб-

Флигель-адъютант
Геннадий Геннадьевич Казнаков

ной лестнице способствовал также и его удачный брак в 1860 году с представительницей старинного костромского дворянского рода Натальей Александровной Черевиной, родной сестрой флигель-адъютанта и сослуживца по польской кампании П. А. Черевина. Стремительное продвижение по служебной лестнице Геннадия Геннадьевича оборвалось его скорострительной смертью в 1870 году в возрасте 37 лет. Вероятно, причиной его смерти стала холера, эпидемия которой всю свирепствовала в Петербурге в сентябре 1870 года. Вдова Наталья Александровна по прошествии времени вступила во второй брак с чиновником Шульцем, но, скончавшись в 1900 году, была погребена вместе с первым мужем в лавре.

Третье захоронение Казнаковых принадлежит Михаилу Гаврилови-

чу Казнакову, отставному корнету, умершему в том же году, его жене Прасковье Васильевне Казнаковой, умершей в 1879 году, и их дочери Наталье Михайловне Казнаковой (1851–1905), которые похоронены в одной могиле на Никольском кладбище. Последняя была дворянской девицей, скончавшейся в возрасте 54 лет и отпетой в Знаменской церкви у Московского вокзала. Согласно завещанию последней от 1885 года все ее имущество пере-

давалось в распоряжение родной сестры покойной, вдовы капитана Марии Михайловне Долмановой, либо ее детям.

Годы лихолетий не оставили в покое памятники и кости умерших, покоящихся на лаврских кладбищах. Одна лишь память потомков способна вернуть славу и гордость предков, возродить из небытия славное прошлое ради возрождения преемственности между старой и новой Россией.

Источники:

РГИА. Ф. 815. Оп. 10, 1885 г. Д. 177. Л. 73–75; Ф. 815. Оп. 10, 1885 г. Д. 96. Л. 90–92; Ф. 815. Оп. 10, 1885 г. Д. 12. Л. 169–174; Ф. 815. Оп. 10, 1885 г. Д. 12. Л. 195–197; Ф. 815. Оп. 10, 1885 г. Д. 12. Л. 225–127; Ф. 948. Оп. 1. Д. 106; Ф. 758. Оп. 62. Д. 41.

Литература:

Столетие военного министерства 1802–1902. Императорская Главная квартира. История государевой свиты. Царствование имп. Александра II. СПб., 1914; Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного Совета Российской империи. 1801–1906. Библиографический справочник. СПб., 2007.

Священноархимандрит Свято-Троицкой Александро-Невской лавры митрополит Антоний (Вадковский) (1898–1912)

К 300-летию Свято-Троицкой Александро-Невской лавры (1713–2013)
и 100-летию со дня кончины митрополита
Антония (Вадковского) (1846–1912)

Д. А. Карпук

В начале XX века первенствующим членом Святейшего Правительствующего Синода Русской православной церкви, предстоятелем столичной Санкт-Петербургской митрополии, священноархимандритом Свято-Троицкой Александро-Невской лавры являлся удивительный, по отзывам очень многих современников, человек – митрополит Антоний (Вадковский), который «был исключительно светлой личностью, чуждою всякого напускного благочестия; человек с высокими взглядами на светскую науку и культуру, на редкость отзывчивый к чужому горю и страданию, в высшей степени деликатный и гуманный»¹.

Благословенный святителем Феофаном Затворником: детские годы.

3 августа 1846 года у священника Василия Иовлевича Вадковского в селе Царевка (Гремячка) Кирсановского уезда Тамбовской губернии родился третий сын, которого назвали Сашкой. В первой и пока что, к сожалению, единственной полной биографии митрополита Антония читаем, что он рос кротким, тихим, бесконечно добрым ребенком, редко принимал участие в играх, помогал матери своей, Ольге Никифоровне, в исполнении разных работ по дому и большому хозяйству.

Золотая пора каждого человека – детство – протекала своим чередом, и не было чего-то сверхвыдающегося и запоминающегося. Все было буднично и прозаично, если бы не несколько эпизодов. Однажды при объезде своей епархии епископ Тамбовский Феофан (Говоров) заехал в село, где совершал свое священническое служение Василий Вадковский. Ольга Никифоровна поставила всех своих детей рядышком, но будущий святитель и затворник обратил особое внимание только на Александра, благословив его, положив на его головку свою руку². Удивительно, бывший ректор Санкт-Петербургской духовной